

ЧИТАТЕЛЬ У БАХТИНА

Актуализация теоретического интереса к категории читателя и круга рецептивных вопросов, с нею связанных, как известно, произошла в зарубежном литературоведении в 1960-е, а в отечественном – в 1970-е гг. прошлого столетия. Однако трудно согласиться с позицией А.Р. Усмановой, по мнению которой, читатель оставался исключительно «на периферии гуманитаристики вплоть до 1960-х», а, начиная с 1920-х гг., рассмотрение фигуры читателя велось спорадически лишь в рамках социологии и психологии: «... эта тема привлекла к себе внимание исследователей в Советской России, когда интенсивно обсуждался вопрос о том, какие фильмы и книги нужны новому “советскому читателю” из среды рабочего класса и крестьянства»¹.

Этому утверждению, в частности, противоречат исследования М.М. Бахтина 1920–30-х гг., в которых специально осмысливался статус адресата в организации художественного произведения. Ряд положений ученого, высказанных в это время, лег впоследствии в основу литературоведческих и эстетических концепций читателя 1970–80 гг. (имеются в виду, прежде всего, идеи Б.О. Кормана, В.В. Федорова и М.М. Гиршмана). Эти положения также определили рецептивно-педагогическую логику альтернативных подходов к литературному образованию в 1990-е гг. (концепции и программы Н.Д. Тмарченко, Л.Е. Стрельцовой, В.И. Тюпы).

Рецептивно-эстетические идеи, разрабатываемые в «Авторе и герое», Бахтин принципиально противопоставляет, с одной стороны, гносеологической стратегии «эстетики содержания», с другой, – «экспрессивной» и «импрессивной» эстетике второй половины XIX – начала XX вв. В заметках ученого 1970-х гг. значимое место занимает полемика с концепцией абстрактного («идеального») читателя, представленной в работах

структуралистов, которые по-своему развивали, как следует из логики Бахтина, стратегию «импрессивной эстетики». Бахтину равно чужды были подходы к эстетической деятельности, согласно которым, в одном случае, субъект восприятия игнорировался в угоду художественному предмету («субъект – участник события становится субъектом безучастного, чисто теоретического познания события»²), в другом, – предметность (материальность) произведения растворялась в крайнем субъективизме читателя-зрителя (созерцателя)-слушателя, аннулирующего в акте восприятия мира героя позицию творца.

Читатель становится у Бахтина предметом научной рефлексии, прежде всего, как адресат, субъект восприятия, понимания и интерпретации художественного высказывания, один из составляющих и необходимых элементов эстетического единства. Не предлагая законченной дефиниции категории читателя, исследователь при решении важнейших для него проблем постоянно обращается к теоретическому прояснению статуса «субъекта эстетического свершения», а также соответствующих атрибуций, конкретизирующих и уточняющих основные позиции, занимаемые читателем по отношению к художественному целому. Их прояснение, по Бахтину, должно стать и предметом специального эстетического анализа, который непосредственно обращен не «на произведение в его чувственной и только познанием упорядоченной данности, а на то, чем является произведение для направленной на него эстетической деятельности художника и созерцателя»³.

Таким образом, внимание к проблеме читателя соотносится у Бахтина с размышлениями о путях и способах научного освоения художественной литературы.

В «Авторе и герое» рассматривается взаимосвязь позиций автора, героя и читателя, определяются точки расхождений между предлагаемой Бахтиным концепцией эстетической деятельности и существовавшими подходами к эстетической рецепции (именно здесь предпринимается подробный анализ

так наз. «эстетики вчувствования» и «эстетики выражения»), определяется стратегия поведения читателя, адекватная интенциям автора.

Бахтин одним из первых в эстетике и литературоведении показал, что формирующееся «участным сознанием» читателя событие чтения становится специфическим способом реализации эстетического объекта. В «Авторе и герое» ученый моделирует процесс превращения читателя как субъекта этической деятельности в субъекта эстетического завершения произведения как художественного целого.

Как осуществляется этот процесс? Первым моментом эстетической деятельности, по Бахтину, является вживание (или вчувствование): «... я должен пережить – увидеть и узнать – то, что он переживает, стать на его место, как бы совпасть с ним <...>. Но есть ли эта полнота внутреннего слияния последняя цель эстетической деятельности, для которой внешняя выраженность является лишь средством, несет лишь сообщающую функцию? Отнюдь нет: собственно эстетическая деятельность еще и не начиналась. <...> Отнесение пережитого к другому есть обязательное условие продуктивного вживания и познания и этического и эстетического»⁴.

«Моменты вживания и завершения не следуют друг за другом хронологически», как может показаться на первый взгляд. Ученый настаивал «на их смысловом различении», при этом подчеркивая, что «в живом переживании они тесно переплетаются между собой и сплетаются друг с другом. В словесном произведении каждое слово имеет в виду оба момента, несет двойную функцию: направляет вживание и дает ему завершение, но может преобладать тот или другой момент»⁵. Стало быть, при освоении читательской позиции, формируемой произведением, необходимо теоретически и методически учитывать обозначенные аспекты эстетической деятельности. Не предлагая конкретной методики анализа этих аспектов, Бахтин постоянно рефлексировал стратегию возможных исследований актов «вживания» и «завершения».

В последней части работы эта стратегия эксплицируется наиболее отчетливо. Автор, по Бахтину, выступает для читателя в качестве особого эстетического принципа: он «авторитетен и необходим для читателя, который относится к нему не как к лицу, не как к другому человеку, не как к герою, не как к определенности бытия, а как к *принципу*, которому нужно следовать»⁶. Итак, речь здесь идет о заданности траектории рецепции, которую читатель проигнорировать никак не может. «Автор, – продолжает Бахтин, – не может и не должен определиться для нас как лицо, ибо мы в нем, мы вживаемся в его активное видение; и лишь по окончании художественного созерцания, то есть когда автор перестает активно руководить нашим видением, мы объективируем нашу пережитую под его руководством активность (наша активность есть его активность)»⁷.

Для Бахтина крайне значимыми являются в данном случае как «движение понимания» в его процессуально незавершенном аспекте («акт вживания» в «активное видение» автора), так и эстетическая вненаходимость читателя, благодаря которой восприятие приобретает статус эстетически завершенного события, непосредственным образом связанного с пониманием художественного смысла как целого. При этом, настаивал Бахтин, «автор должен быть прежде всего понят из события произведения как участник его, как авторитетный руководитель в нем читателя <...> Внутри произведения для читателя автор – совокупность творческих принципов, долженствующих быть осуществленными, единство трансгredientных моментов видения, активно относимых к герою и его миру»⁸.

«Трансгredientные моменты видения, активно относимые к герою и его миру» рассматриваются в «Формах времени...». В этой работе Бахтин конкретизирует позиции читателя-слушателя по отношению к пространственно-временным координатам изображенного мира и мира создающего текст автора.

Обсуждая проблемы функционирования художественного целого, Бахтин предупреждает: как в ходе рецепции, так и при изучении

литературного произведения нельзя забывать и смешивать, во-первых, изображенный мир с изображающим миром, что происходит, как правило, при наивно-реалистической установке восприятия художественной реальности; во-вторых, творца произведения – с автором-человеком, что свойственно для «наивного биографизма»; в-третьих, «воссоздающего и обновляющего слушателя-читателя разных (и многих) эпох с пассивным слушателем-читателем своей современности», активным лишь по отношению к содержательно-познавательным аспектам произведения.

Обращая внимание на наличие принципиальной границы между отмеченными сторонами произведения и явлениями, с ними связанными, Бахтин осмысливает их неразрывную связь и взаимодействие друг с другом, прибегая к метафорическим образам: «... между ними происходит непрерывный обмен, подобный непрерывному обмену веществ между живым организмом и окружающей его средой: пока организм жив, он не сливается с этой средой, но если его оторвать от нее, то он умрет».

В «заключительных замечаниях» «Проблем времени», написанных в 1973 г., ученый концептуализирует собственные представления 1920–30 гг. о двух мирах и связанных с ними событиях. Определяя стратегию взаимодействия произведения с миром реальным, в котором находится читатель как адресат художественного высказывания, Бахтин отмечает: «... произведение и изображенный в нем мир входит в произведение и в изображенный в нем мир как в процессе его создания, так и в процессе его последующей жизни в постоянном обновлении произведения в творческом восприятии слушателей-читателей. Этот процесс обмена, разумеется, сам хронотопичен: он совершается прежде всего в исторически развивающемся социальном мире, но и без отрыва от меняющегося исторического пространства. Можно даже говорить и об особом т в о р ч е с к о м хронотопе, в котором происходит этот обмен произведения с жизнью и совершается особая жизнь произведения»⁹.

В своих поздних заметках Бахтин полемически актуализирует креативно-рецептивные идеи, высказанные им в ранних работах: «Нет ничего пагубнее для эстетики, как игнорирование самостоятельной роли слушателя. Существует мнение, очень распространенное, что слушателя должно рассматривать как равного автору за вычетом техники, что позиция компетентного слушателя должна быть простым воспроизведением позиции автора. На самом деле это не так. Скорее, можно выставить обратное положение: слушатель никогда не равен автору. У него свое, незаместимое место в событии художественного творчества: он должен занимать особую, притом двустороннюю позицию в нем: по отношению к автору и по отношению к герою»¹⁰.

Таким образом, можно заметить, что Бахтин постоянно конкретизировал и уточнял свои теоретические представления о читателе, причем, вектор его уточнений был направлен в сторону творческой самостоятельности читателя, соотносимой с ответственностью перед словом автора. Так, в ранних трудах ученого читатель рассматривался исключительно как субъект деятельности, адекватно (в определенном смысле «идеально») воспринимающий автора как имманентный произведению принцип свершения эстетического события. В дальнейшем же читатель интерпретируется Бахтиным как субъект диалогической встречи с автором и другими читателями, – личность, обретающая в актах самостоятельного «восполнения и обновления» смысла неповторимую реальность собственного существования. Только в последнем случае эстетическая коммуникация приобретает, как следует из рецептивно-эстетических идей Бахтина, творчески продуктивный и поступательный характер «развивающегося понимания», в котором прошлые и нынешние контексты судеб произведения и самого читателя активно взаимодополняют друг друга.

¹ Усманова А.Р. Читатель // Постмодернизм: Энциклопедия. Минск, 2001. С. 958.

² Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 85.

-
- ³ Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 17.
- ⁴ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. С. 27.
- ⁵ Там же. С. 29.
- ⁶ Там же. С. 190.
- ⁷ Там же. С. 190.
- ⁸ Там же. С. 191.
- ⁹ Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. С. 402–403.
- ¹⁰ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. С. 432.